

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ АБОРИГЕНОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В УСЛОВИЯХ СОХРАНЕНИЯ ВОЛЬНО-ЗАХВАТНОГО СПОСОБА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Рассматривается вольно-захватный способ землепользования как ведущий в хозяйственном освоении крестьянами и аборигенами территорий Томской губернии. Определяются причины сохранения данного способа землевладения в конце XIX – начале XX в. Выявляются последствия вольно-захватного способа для развития поземельных отношений и инородческого землевладения.

Ключевые слова: вольно-захватный способ землеосвоения; инородческое землевладение; Томская губерния.

Осуществляя колонизацию зауральских территорий, русские землепроходцы приходили на земли, населенные автохтонами со сложившейся системой землевладения и землепользования. При этом первопоселенцы получали земли во владение и пользование самыми разными путями: отводы, пожалования за службу, купля-продажа и т.д. [1. С. 52]. Но наиболее распространенным способом приобретения прав на земельные угодья был захват [2. С. 1]. Принцип вольно-захватного землепользования утвердился в Сибири с расширением крестьянской колонизации в XVII–XVIII вв. [3. С. 60] и продолжал существовать в конце XIX – начале XX в. [4. С. 16–17].

Определяющими факторами, порождающими вольно-захватное землевладение, исследователи поземельных отношений в Сибири называли земельный простор и труд, затраченный на приведение угодий в культурное состояние. Так, в Уртамской, Чаусской, Ояшинской, Кривошековской, Кайлинской, Спасской и Тутьальской волостях Томской губернии обеспеченность пахотными угодьями составляла в среднем не менее 8,2 дес. на двор, что делало излишним «переделы и связанные с ними затраты труда и времени» [5. С. 162].

Но традиция землевладения, основанная на праве захвата, была присуща хозяйственному укладу не только российских переселенцев, но и сибирских аборигенов. Характеризуя развитие поземельных отношений в Томской губернии в конце XIX – начале XX в., исследователи отмечали, что формы землевладения у разных народов здесь складывались и эволюционировали «не под влиянием бытовых и этнографических особенностей населения, а исключительно под влиянием экономических причин – земельного простора или тесноты» [6. С. 20]. Захватный способ землевладения был распространен у инородцев Южного Алтая, в районах, где не требовалось искусственного орошения для сельскохозяйственных работ: в правобережном районе 1-й Алтайской дючины, где «...в аилах по речк. Майме, Сайдысу, Улпаю и другим каждый вновь прикочевавший может захватить под пашню любое место, не занятое еще никем в данный момент... Такой же порядок практикуется по Бешпельтыру, Сиульте, Каянче, Ашихте, Патогему, Берткему и многим другим речкам» [7. С. 157–158]. Основанное на захвате пользование сенокосными угодьями сохранялось у инородцев Горного Алтая и в начале XX в.: «...каждый алтаец имеет право захватить в свое пользование известный участок...» [6. С. 18]. Пользование пашнями и покосами у автохтонов северных районов Алтая также было основано на захвате [8. С. 276]. У барабинских татар с развитием земледелия установилось вольное («юртовое») землепользование:

«...каждой семье вольно было пахать и сеять хлеб, где она считает делать это удобнее и выгоднее» [9. С. 8].

В условиях же интенсивного сельскохозяйственного освоения территорий Сибири наступало так называемое утеснение, ибо земельный простор здесь был всегда относительным: удобных для занятия земледелием участков (без необходимости проводить расчистки от леса) хватало всем переселенцам только в самый начальный период колонизации [10. С. 113]. Практика землевладения, основанная на захвате, в данных условиях повлекла последствия, существенно повлиявшие на развитие поземельных отношений в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Прежде всего это касалось разграничения земель, находившихся в хозяйственном обороте у различных категорий пользователей. С течением времени в тех округах (уездах) Томской губернии, где совместно проживало русское и инородческое население, возникла такая модель поземельных отношений, при которой земли переселенцев и аборигенов нередко располагались чересполосно, имея общие границы [11. С. 72–73], а подчас составляя одно целое [12. С. 262–263].

Здесь необходимо сделать пояснение, без которого, на наш взгляд, невозможно понять сложившуюся в землепользовании ситуацию. Как известно, русская экспансия в Сибирь не повлекла за собой изоляции коренных народов от новопоселенцев, что было характерно, например, для экспансии западно-европейских государств, когда колонизируемые территории представлялись далекими и неведомыми, а туземное население воспринималось как чужеродный элемент [13. С. 31–33]. Напротив, аборигенное население Сибири включалось в социальную структуру Московского царства без акцента на его иноэтничную природу и рассматривалось правительством лишь как еще одна категория подданных, ибо и само продвижение русских за Урал определялось как естественный процесс возвращения отпавших когда-то от Москвы земель, а значит, возвращения и своего населения «под высокую руку государеву» [12. С. 106–107]. К аборигенам русские не проявляли ни высокомерия, ни снисходительно-пренебрежительного отношения. Подобная толерантность, отсутствие как со стороны властных структур, так и со стороны русских колонистов этноцентризма проистекали из евразийского, в данном случае, субстратного наследия Российского государства. Это евразийское наследие было связано с историей формирования самого русского этноса, который с XI в., с самого начала процесса этноконсолидации, получил мощную подпитку финно-угорского и тюркского субстратов. И продолжившиеся в последующие периоды истории кон-

такты с финно-угорским, самодийским и тюркским населением Приуралья, Поморья, Прикамья и Поволжья делали привычным для русских взаимодействие с иноэтничными общностями, способствовали выработке правил совместного общежития и хозяйствования. Учтем и то, что к моменту своей экспансии за Урал русский этнос, по определению Л.И. Шерстовой, находился в «открытом» состоянии, так как процесс его этнической консолидации не был завершен и продолжался в ходе миграции на территорию центрального пояса Северной Евразии. «Открытость» этноса предполагает отсутствие у него четко выраженной этнической самоидентификации, когда собственные этнографические признаки и самосознание какой-либо общности в результате долговременного иноэтнического влияния остаются аморфными и диффузными, т.е. неопределенными и способными включать в себя другие этнические элементы, а также отдавать свои признаки [14. С. 6–7, 10, 62–66]. Такая общность не оппозиционирует себя по отношению к другим, не стремится к автаркии: «...завоеватели не живут замкнуто от покоренных; ни те, ни другие не чуждаются особенно друг друга» [15. С. 248]. Поэтому-то в условиях русской колонизации аборигены никуда не выселялись, а жили там, где обитали до прихода русских, и поселения колонистов соседствовали с поселениями автохтонов, представляя своеобразную «этническую сетку» [12. С. 97].

Примем во внимание и то, что первоначально ни одна инородная управа не являлась целостным территориальным образованием, так как все эти объединения аборигенов существовали лишь как административно-фискальные единицы, главный смысл образования которых состоял в учете контингента податного населения – плательщика ясака, и только с течением времени за ними были закреплены сколько-нибудь конкретные территории [12. С. 339]. Поэтому неудивительно, что на землях, отнесенных к крестьянским волостям, располагались селения и собственно крестьян, и улусы (юрты) аборигенов.

Осуществляя измерение и отвод земель, межевые органы констатировали как свершившийся факт совместное землепользование крестьян и инородцев. В 1829 г. был составлен план на землепользование крестьянам деревни Очаковой Верх-Чумышской волости и инородцам улуса Тарабинского Ашкыштымской Инородной управы 2-й половины Кузнецкого округа. Согласно этому плану крестьяне должны были «хлебопахотными землями... пользоваться совместно с инородцами» [16. Л. 8].

Практика совместного владения и пользования касалась не только пахотных, сенокосных и пастбищных угодий, она распространялась на охотничьи и рыболовные территории, что изначально было связано с промысловым освоением сибирских пространств. Так, в 1808 г. по решению Томского губернского суда рыбный промысел на песках по Оби был закреплен за ясачными юрт Чабанских (Чебанских) Шепецкой волости и крестьянами с. Молчановского «в совокупное владение» [17. Л. 1об., 2–2об.].

Существовавшая в таком виде модель поземельных отношений являлась источником многочисленных конфликтов. Совместное землепользование не само по

себе порождало нарушения, произвол, а значит, тяжбы и споры, которые приходилось рассматривать окружным и губернским инстанциям, а именно возникшее из практики вольно-захватного способа приобретения прав на землю, когда переделы и поравнения еще не стали насущной потребностью сельских обществ по причине, хотя и относительного, но недостатка угодий. Это с настоятельной необходимостью требовало от государственных органов проведения землеустроительных работ с утверждением «законодательным путем правил о порядке землепользования в сельских обществах», что устранило бы основу поземельных споров [18. С. 256, 271–272]. Однако правительство не предпринимало попыток четко разграничить свободные земли и ясачные угодья даже тогда, когда при отводе земель первым поселенцам возникало противостояние между русскими и аборигенами. И это притом, что государственная политика была направлена на охрану туземных владений [10. С. 137–138]. И в дальнейшем мероприятия по измерению, размежеванию и отводу земель в силу ряда причин не носили систематического характера.

Кроме того, совместное землепользование в условиях общинных порядков означало существование сложносоставных общин, в том числе и русско-инородческих. Эта форма землевладения предполагала коллективное владение и пользование угодьями принадлежащего к разным административно-территориальным единицам населения: будь то жители разных русских волостей и селений, инородных управ или русских волостей и инородных управ. Поземельные отношения в этом случае отличались еще большей сложностью и запутанностью [5. С. 49–50], когда захваты и вторжения общинников в границы сельскохозяйственной деятельности друг друга были достаточно частым явлением [19. С. 209]. А это делало и без того непростую обстановку в землепользовании еще более напряженной и конфликтной. Например, совместное землепользование инородцев Кумышской и Шуйской управ и крестьян Кайлинской волости приводило не только к недоразумениям, но и резким столкновениям. В конце XIX в. было зафиксировано пять подобных случаев [5. С. 96–98]. И в промысловой сфере были нередки конфликты по поводу использования охотничьих и рыболовных угодий. Так, в деле «о стеснении в земляных угодьях инородцев юрт Островных, Езангиных, Испавых и Водяных крестьянами Кетской волости села Новоильинского», длившемся с 1850 по 1855 г., инородцы указывали, что крестьяне не только стеснили их в сенокосных угодьях и рыбном промысле, но также «не дают им промыслять лисиц и становить ловушки» [20. Л. 2].

Конечно, в ситуации неурегулированности поземельных отношений затрагивались интересы самых разных групп населения, поэтому споры и тяжбы возникали по поводу угодий различного хозяйственного назначения не только между русскими засельщиками и аборигенами, но и между крестьянами, между крестьянами и казаками, между горожанами и крестьянами, между самими инородцами [21. С. 91–93]. И все же поземельные отношения между русскими засельщиками и аборигенами отличались особой остротой, так как расширение крестьянской колонизации приводило не только к конфликтам из-за неопределенности и неточ-

ности границ при совместном землепользовании; предметом споров становились земли, которые просто отторгались у инородцев, ибо совместное землепользование складывалось и через заселение русских на инородческих землях с согласия самих аборигенов. Как показывала практика, переселенцы очень быстро осваивались, становясь подчас численно преобладающей группой населения, что в итоге и приводило к изъятию инородческих угодий [12. С. 263].

Таким образом, землевладение аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX в. существовало в условиях сохранения вольно-захватного способа как господствующего в приобретении прав на земельные

угодья. Исторически вольно-захватный способ привел к возникновению такой модели поземельных отношений, при которой крестьянские и инородческие земли составляли единое целое. Однако расширение крестьянской колонизации, преобладание аграрного сектора в экономике Томской губернии, отсутствие единой нормативно-правовой базы для закрепления земель за производителями и растянутые по времени поземельно-устроительные работы создавали в совокупности благоприятную среду для возникновения и развития конфликтов между различными категориями землепользователей, и прежде всего, крестьянами и инородцами, земли которых нередко просто отторгались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухотина Л.Г. Крестьянство Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1963.
2. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897.
3. Преображенский А.А. Эволюция феодальной земельной собственности в России XVII – начала XIX века // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 46–62.
4. Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири (1861 г. – середина 90-х годов XIX в.) // Вопросы истории Сибири: Труды Томского государственного университета. Сер. историческая. Т. 158, вып. 2. Томск: Изд-во ТГУ, 1965. С. 3–19.
5. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Землевладение и землепользование / Сост. С.П. Швецов, П.М. Юхнев. Барнаул, 1898. Т. 2, вып. 2.
6. Солдатов В. Формы общинного землепользования в Томской губернии // Сибирский наблюдатель. 1904. Кн. 9–10. С. 11–22.
7. Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1900. Т. 1, вып. 1.
8. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: АН СССР, 1953.
9. Филимонов Е.С. Материалы по вопросу об эволюции землевладения. Формы волостного землевладения в Северо-Западной Барабе. Пермь, 1895. Вып. 1.
10. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987.
11. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века // Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. С. 25–192.
12. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск: Изд-во ТПУ, 1999.
13. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в концепциях государственной политики и областнической мысли: Дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 1999.
14. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.
15. Буцинский П.Н. К истории Сибири. Тюмень: Мандрика, 2003.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 323.
17. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 24.
18. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Томская губерния. СПб., 1904. Т. LVI (56).
19. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян Восточной части Томского округа и Северо-Западной части Мариинского округа Томской губернии. Исследование А.А. Кауфмана. СПб., 1892. Т. 2, вып. 18.
20. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 385.
21. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1980.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 октября 2010 г.